

Шелковые сады

Пелфия

Новый Вавилон

Купальни

Салон

Цоколь

Окаемка

Рынок

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ
Карта нижних кольцевых уделов

Вавилонскую башню иногда называют Стоком Человечества. Ни один посетитель не в силах устоять перед ее необъятностью, разнообразием кольцевых уделов, загадочными и роскошными высотами. Мы стремимся к ней, как вода — к отверстию в раковине.

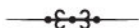
*Введение к «Популярному путеводителю
по Вавилонской башне» (14-е издание)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦОКОЛЬ И САЛОН

Глава первая

Вавилонская башня наиболее известна изысканными шелками и чудесными воздушными кораблями, которые там производятся, но посетители откроют для себя другие, нематериальные товары, которые можно оттуда увезти. Причуды, приключения и романтика — вот чем на самом деле торгует башня.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, I.V

Путешествие на поезде от побережья до пустыни, где, подобно торчащему клыкку, возвышалась Вавилонская башня, заняло четыре дня. Сперва они миновали пастбища, пестреющие тучными стадами и непривлекательными деревушками, а потом поезд тяжело поднялся к увенчанным снегами вершинам, где обитали кондоры, чьи гнезда были размером со стог сена. Путешественники уже забрались дальше от дома, чем когда бы то ни было. Дорога вниз лежала через сланцевые предгорья, которые, по его словам, напоминали поле, усеянное разбитыми школьными досками, а также — мимо кипарисовых деревьев, которые, по ее словам, походили на открытые зонтики, и в конце концов они въехали в засушливую долину. Земля была цвета ржавых цепей, и пыль от нее липла ко всему. Пустыня совсем не выглядела пустынной. Их поезд двигался в том же направлении, что и множество караванов, каждый — плетущаяся вереница колес, копыт и ног. Все утро путники прибывали, пока потоки не слились в огромную массу, такую плотную, что поезд замедлил ход и теперь едва полз. Их вагон как будто плыл сквозь бурные волны дилижансов и запряженных волами фургонов, сквозь толпы туристов, пилигримов, мигрантов и торговцев из всех провинций огромного государства Ур.

Томас Сенлин и Мария, новоиспеченные супруги, глядели на человеческий зверинец в открытое окно залитого солнцем спального вагона. Ее фарфорово-белая рука невесомо лежала поверх его длинных пальцев.

Мимо неспешно проехал отряд солдат в красногрудых мундирах, верхом на лошадях соловой масти, разминувшись с семьей в клетчатых головных шарфах, путешествующей на верблюдах. Сквозь громыхание поезда доносились трубные крики слонов, и тут и там в горячем воздухе над ними лениво покачивались воздушные корабли, неотвратимо дрейфуя к Вавилонской башне. Аэростаты, благодаря которым летали эти суда, пестротой напоминали майские деревья.

С той поры, как поезд повернул к башне, они не видели ее величественный шпиль из окна купе. Но это не помешало Сенлину описывать достопримечательность.

— Вспыхивает много споров по поводу того, сколько в ней уровней. Одни ученые говорят, что пятьдесят два, другие — что по меньшей мере шестьдесят. С земли оценить их количество невозможно. — Сенлин перечислял и перечислял факты, достойные внимания молодой жены, как делал на протяжении всего путешествия. — Некоторые люди, в основном воздухоплаватели и мистики, утверждают, что видели верхушку башни. Конечно, никто из них не может подкрепить хвастовство доказательствами. Ты не поверишь, но кое-кто из исследователей даже заявляет, будто башню все еще строят. — Тривиальные детали успокаивали его, как и всякое перечисление фактов.

Томас Сенлин был сдержанным и от природы робким человеком, который черпал уверенность в стабильности расписаний, схем и выписанных счетов.

Мария старательно кивала, хотя и откровенно отвлеклась на человеческий парад снаружи. Взгляд ее больших зеленых глаз возбужденно метался от одной экзотической дикувинки к другой: то, что Сенлин вскользь подмечал, она

поглощала. Сенлин знал: в отличие от него Марию будоражили зрелища и толпы, хотя дома ей редко доводилось видеть и то и другое. Действо за ее окном ничем не напоминало Исо, пропитавшийся солью рыбацкий поселок, от которого их теперь отделяла не одна сотня миль. Исо был единственным настоящим домом Марии, не считая консерватории для молодых женщин, где она училась на протяжении четырех лет. В Исо имелись два паба, клуб «Вист» и зал собраний, который по необходимости становился бальным залом. Вряд ли такое можно назвать центром культурной жизни.

Мария подпрыгнула на сиденье: рядом с нею неожиданно возникла голова верблюда. Сенлин попытался успокоить жену собственным примером, но сам чуть не взвизгнул, когда верблюд фыркнул и забрызгал их теплой слюной. Раздосадованный таким нарушением благопристойности, Сенлин прочистил горло и, размахивая носовым платком, прогнал животное.

Ложечки задребезжали в пустых чашках, оставшихся после завтрака, когда машинист затормозил и поезд почти остановился. Томас Сенлин планировал это путешествие и собирал деньги на протяжении всей своей карьеры. Он хотел увидеть чудеса, о которых так много читал, и хотя это должно было стать испытанием для его нервов, он надеялся, что самообладание и острый ум помогут справиться. Он всегда мечтал подняться на Вавилонскую башню, пусть даже совсем невысоко, и сейчас очень волновался. Впрочем, никто бы не понял этого, взглянув на Сенлина: он, как правило, держался холодно, скрывая бурю эмоций в душе. Так он вел себя в классной комнате. Он не умел по-другому.

Снаружи воздушный корабль прошел над землей достаточно низко, чтобы страховочные тросы задели головы людей. Сенлин удивился, отчего корабль так опустился — или он только взлетел? Мария весело вскрикнула и прижала ладонь к губам. Сенлин, раскрыв рот, уставился на капитана,

который яростными жестами приказывал матросам разжечь топку и натянуть фалы, что они и поспешили сделать посреди всеобщей паники, но все же юноша из толпы успел схватиться за провисший трос. Искатель приключений тотчас же взлетел над скоплением людей, его ступни едва не задели крышу дилижанса, а потом бедолагу потащило вверх, и он скрылся из вида.

С земли сцена казалась комичной, но у Сенлина скрутило желудок, когда он представил, что чувствует юноша, летя высоко над бескрайней толпой, удерживаясь лишь благодаря силе рук. Да уж, быстротечный инцидент казался таким причудливым, что Сенлин решил выкинуть его из головы. В «Путеводителе» Рынок называли «беспорядочным местом». Кажется, на деле все еще хуже.

Он и не думал, что отправится в это путешествие как молодожен. Более того, он даже не представлял себе, что однажды найдется женщина, которая его привлечет. Мария была моложе на дюжину лет, но тридцатипятилетний Сенлин не считал их недавнюю свадьбу чем-то весьма примечательным. Однако в Исо по этому поводу кое-кто изогнул бровь. Жители поселка, примостившегося на отвесных скалах возле океана Ниро, с подозрением относились ко всему, что выпадало из привычного цикла приливов, отливов и рыбацких сезонов. Однако Сенлин, будучи директором и единственным учителем школы Исо, обычно относился к слухам безразлично. Молва, конечно, доносила до него многое. С его точки зрения, слухи были чем-то вроде театра для необразованных, а женился он не для того, чтобы предоставить всем и каждому тему для разговора за завтраком.

Он женился исключительно из практических соображений.

Мария была хорошей партией. Со славным характером, начитанная; задумчивая, но не мечтательная; воспитанная, но не высокомерная. Она сносила долгие часы, которые он

посвящал занятиям, и его молчаливость, которую остальные ошибочно принимали за стоицизм. Он воображал, что она вышла за него, потому как он добрый, с ровным нравом и надежной работой. Он зарабатывал пятнадцать шекелей в неделю, а в год — тридцать мин; никоим образом не состояние, но для достойной жизни хватит. Внешность точно роли не сыграла. Если глядеть на черты его лица по отдельности, то они были достаточно красивы, но в совокупности представлялись слегка неуместными и неправильными. Ученики Сенлина между собой называли его Осетром, потому что он был худым, длинным и костлявым.

Конечно, у Марии имелись собственные необычные привычки. Она читала книги по пути в город, вследствие чего изорвала много юбок и не раз ссадила колени. Она не боялась высоты и время от времени забиралась на крышу, чтобы поглядеть, как из-за горизонта появляются паруса кораблей, идущих в гавань. Она играла на пианино — хорошо, но вместе с тем немного грубо. Она пела, как безумная русалка, и так неистово тарабанила по клавишам, исполняя баллады и веселые быстрые мелодии, что инструмент приходилось настраивать заново. Любопытно, что ее причудами как раз и восхищались. Горожане находили Марию очаровательной и часто просили сыграть в местных пивных. Даже унылые серые зимы Исо не унимали ее жизнелюбия. Когда она вышла замуж за Осетра, все растерялись.

Сегодня Мария оделась по-дорожному: на ней была юбка цвета хаки длиной до колен и простая белая блуза, а струящиеся темно-рыжие волосы скрывал в каком-то смысле эксцентричный пробковый шлем. Она выкрасила его в красный, что Сенлину не очень-то понравилось, но Мария заставила мужа смириться с этой деталью наряда, заявив, что так ее легче будет разыскать в толпе. Сенлин был в сером вельветовом костюме, который казался ему слишком легкомысленным даже для путешествия, но Мария заявила, что кос-

тюд модный и слегка шалопутный, а в чем еще смысл медового месяца?

Проворный мальчик в грубом жилете из козлиной шкуры вскарабкался по боковой части вагона. Сенлин купил у него большой бублик — мальчишка таскал их нанизанными на руку, и они с Марией разделили корочку и пышный мякиш, пока поезд полз к Вавилонскому центральному вокзалу, где заканчивалось так много железнодорожных путей.

Их медовый месяц пришлось отложить ввиду естественного хода школьных занятий. Сенлин мог бы выбрать более удобный и экономный пункт назначения — отель на побережье или деревенский коттедж, где можно уединиться на выходные, — но Вавилонская башня представлялась чем-то бóльшим, нежели место для отдыха. Целый мир возвышался на основании из подстилающей породы. Будучи юношей, он читал о культурном вкладе башни в развитие театра и искусства, о ее достижениях в науке и высокоразвитых технологиях. Даже электричество — по-прежнему неслыханный товар во всех городах Ура, исключая самые крупные, — на высоких уровнях башни, по слухам, изобиловало. Она была маяком цивилизации. Старая поговорка гласила: «Не Земля сотрясает башню, а башня сотрясает Землю».

Поезд наконец-то остановился, хотя вокзала за окном не наблюдалось. Объявился проводник и сообщил, что придется сойти: на путях слишком много народу, чтобы состав мог двигаться дальше. Похоже, никто не видел в этом ничего необычного. После нескольких дней, проведенных сидя, в покачивающемся на рельсах вагоне, перспектива прогуляться показалась привлекательной. Сенлин собрал багаж: свой кожаный портфель и чемоданчик Марии, с колесиками снизу и нажимной ручкой — сверху. Он настоял, что понесет и то и другое.

Пока она затягивала шнурки на коричневых кожаных ботинках и расправляла юбку, Сенлин повторил три важ-

нейших совета, которые вычитал в «Популярном путеводителе по Вавилонской башне». Прежде всего держать деньги при себе. Еще до отъезда он попросил сельского портного пришить потайные карманы на поясе его брюк и на подоле ее юбки. Во-вторых, не подавать нищим. Те от этого лишь наглеют. И наконец, никогда не упускать из вида спутников. Сенлин попросил Марию повторить эти пункты, пока они быстрым шагом шли по устланному золотым ковром коридору, соединявшему вагоны. Она подчинилась, но не преминула пошутить:

- Правило четвертое: не целовать верблюдов.
- Это не четвертое правило.
- Скажи об этом верблюдам! — отозвалась она и весело припустила вперед.

И все же ни он, ни она не были подготовлены к зрелищу, которое увидели, спустившись по ступенькам поезда. Вокруг простиралась толпа, похожая на застывшее желе. Поначалу они едва могли двигаться. Лысый мужчина с огромным конопляным мешком на плече и железным кольцом на шее пихнул Сенлина, и тот врезался в красноглазую женщину; она оттолкнула его, засмеявшись и обдав перегаром, а затем снова утонула в болоте тел. Над головами передавали клетку со взволнованными канарейками, которые осыпали плечи дурно пахнущими перьями. Дюжина женщин в черных одеяниях паломниц — сторонниц загадочной веры — прошла мимо, и бедра их колыхались в одинаковом ритме, как тела качения в огромном подшипнике. Немытые дети, груженные подносами с надушенными матерчатыми цветами, игрушечными вертушками и фруктами в карамели, протискивались мимо, и каждый ребенок был привязан к другому длинной веревкой. Кроме железнодорожных путей, здесь не было никаких дорог — ни брусчатки, ни бордюров, только ржаво-красная, сбита до твердости камня земля под ногами.

Все это так ошеломляло, что на мгновение Сенлин околел, словно труп. Резкие возгласы торговцев, хлопанье

брэзента, звон упряжи и невнятный гул десяти тысяч чужеродных голосов творили общий шумовой фон, который можно было только перекричать. Мария схватила мужа за пояс у самого позвоночника, рывком вынудила стряхнуть оцепенение и двинуться вперед. Сенлин знал, что они не могут стоять на месте. Он собрался с духом и сделал первый шаг.

Их затянуло в лабиринт торговых палаток, повозок и шатких столов. Проулки между торговыми рядами были запутанными, как детские каракули. Над столами повсюду торчали временные бамбуковые стеллажи, покосившиеся от тяжести джутовых ковриков, луковых гирлянд, фонарей из дырявых жестянок и плетеных кожаных ремней. Яркие полосатые навесы от солнца загоразживали небо, хотя даже в их тени присутствие светила не вызывало сомнений. Сухой воздух был горячим, как свежий пепел.

Сенлин тащился вперед, надеясь отыскать дорогу или указатель. Ни то ни другое не появлялось. Он позволил толпе увлечь себя, не пытаясь разыскать путь. Увидев просвет, он бросился туда. Пройдя таким образом, возможно, сотню шагов, он понял, что понятия не имеет, в какой стороне остались рельсы. Он пожалел, что отошел от них. Они могли пройти вдоль путей до Вавилонского центрального вокзала. Он забеспокоился из-за того, что так быстро заблудился.

И все же Сенлин был достаточно осторожен, поэтому время от времени поворачивался и улыбался Марии. Ее сияющая улыбка не угасала. Он не хотел, чтобы она встревожилась из-за незначительного затруднения.

Впереди обнаженный по пояс парнишка обмахивал висящие тушки ягнят и кроликов, не давая облаку мух осесть. Мухи и сладкая вонь, которой веяло из лавки мясника, вынуждали толпу огибать это место, и они смогли там ненадолго остановиться, пусть от смрада и мутило. Поставив чемодан Марии между ними, Сенлин вытер шею носовым платком.

— Да уж, многолюдно, — сказал Сенлин, стараясь не выдать растерянность, хотя Мария ничего не замечала; она смотрела куда-то поверх его головы, и на ее красивом лице отражалось потрясение.

— Это замечательно, — сказала она.

Над ними сквозь щель между навесами виднелась синева, и там, словно удерживающая небосвод колонна, стояла Вавилонская башня.

Обращенная к ним сторона башни пестрела белым, серым, ржавым, желто-коричневым и черным, выдавая множество разновидностей камня и кирпича, использованных в строительстве. Окраска напомнила Сенлину шкуру пятнистой кошки. В архитектурном смысле силуэт башни выглядел уныло, как покрытый вмятинами рифленый ствол пушки, но ее украшали огромные фризy, причем каждая полоса была выше, чем дом. Вершина башни пряталась за плотным кольцом туч. В «Популярном путеводителе» отмечалось, что верхние уровни постоянно окутаны туманом, хотя производило ли древнее строение облака или притягивало их, оставалось темой для рассуждений. Как бы там ни было, пик башни никто и никогда не видел с земли.

Описание Вавилонской башни в «Популярном путеводителе» не подготовило Сенлина к тому, какой немислимо огромной она оказалась. По сравнению с нею зиккураты Южного Ура и цитадели Западных равнин выглядели игрушечными домиками, вроде тех, которые дети строят из сахарных кубиков. На возведение башни ушла тысяча лет. По мнению некоторых историков, больше. Ошеломленный этим чудом и кипучей суетой Рынка, Сенлин задрожал. Мария успокаивающе сжала его руку, и он выпрямил спину. В конце концов, он же директор школы, глава скромного сообщества. Да, надо протолкаться сквозь скопище людей, но стоит добраться до башни — и толпа поредеет. Еще немного терпения — и они, несомненно, окажутся в более приятной компании. Через несколько часов они будут сидеть со стакан-

чиками портвейна в недорогом, но уютном жилье на третьем уровне башни — местные называли его Купальнями, — в точности как планировали. Они будут спокойно изучать этот самый человеческий рой, внизу, но с более комфортного расстояния.

Теперь, по крайней мере, у них был ориентир, к которому следовало стремиться.

Сенлин также постепенно открывал более действенный способ продвижения через толпу. Он обнаружил, что если остановиться, то снова пойти вперед трудно, однако можно добиться успеха, проявив побольше твердости и решительности. После нескольких минут следования за ним Мария достаточно успокоилась, чтобы отпустить его пояс, и от этого обоим стало намного легче идти.

Вскоре они оказались на одном из множества одежных базаров, неотъемлемой части Рынка. Кружевные платья, вышитые передники и рубашки с манжетами висели на крючках и веревках, которые изобиловали, как ветки в лесу. Костюм можно было отыскать любого цвета, от таусинного до палевого; детали интимной женской одежды свисали с бамбуковых лестниц, словно шкуры экзотических змей. На ближайшем столике возвышалась огромная, как сугроб, куча сложенных квадратиком носовых платков.

— Давай я куплю тебе платье. Вечера здесь теплее, чем мы привыкли. — Ему пришлось говорить ей на ухо.

— Хочу что-нибудь коротенькое, — сказала она, снимая пробковый шлем и открывая примятые бронзовые кудри. — Что-нибудь скандальное.

Он взглянул на нее, задумчиво хмурясь, пряча изумление. Он знал, что таким флиртом в медовый месяц наслаждаются, вероятно, даже благопристойные пары. И все-таки он был не готов и не смог ответить в таком же игривом тоне.

— Скандальное?

— Твоим ученикам об этом знать не стоит. Хочу всего лишь безделицу, чтобы скомпрометировать веревку для раз-

вешивания белья у нас дома, — сказала она и провела пальцем по его руке, словно зажигая спичку.

Он смутился. Впереди простирались акры палаток, извергающих каскады женского белья. В поле зрения не было ни единого мужчины.

Пятнадцать лет холостяцкой жизни не подготовили Сенлина к тому, что к ландшафту его спальни прибавилось нижнее белье Марии. Обнаруживая ее исподнее висящим на столбиках кровати и дверных ручках в своем старом святилище, он поначалу вздрагивал от ужаса. Но такая масса ночных сорочек, домашних кофт, корсетов, чулок и бюстгалтеров, которую прочесывали тысячи незнакомых женщин, была несравнимо унижительней.

— Я лучше останусь с багажом.

— А как же твои правила?

— Ну, если ты не будешь снимать эту красную миску, я преоотлично замечу тебя отсюда.

— Если заблудишься, встретимся на вершине башни, — театрално произнесла она.

— Вот уж нет. Встретимся на этом месте, рядом с этой тележкой с носками.

— Какой же ты романтик! — сказала она, обходя двух крупных женщин, одетых в сине-белые платья с передниками, вышедшие из моды много лет назад.

Сенлин заметил с удивлением, что женщины были привязаны друг к другу толстой джутовой веревкой, прикрепленной к талиям.

Он спросил, не с востока ли они, и дамы в ответ назвали рыбацкий поселок, расположенный неподалеку от Исо. Они поделились ностальгией, обычной для жителей побережья: восходы, морские звезды, милое ночное бормотание прибоя, а потом Сенлин спросил:

— Вы приехали отдохнуть?

Они ответили материнскими, слегка снисходительными улыбками.

— Наш отдых давным-давно закончился, — сказала одна.

— Вы повсюду ходите связанными? — Теперь его голос звучал чуть насмешливо.

— Да, разумеется, — ответила старшая. — С той поры, как потеряли младшую сестру.

— О, мне жаль. И давно она умерла? — спросил Сенлин, вновь искренне.

— Весьма надеюсь, что она жива. Но прошло три года. Кто его знает.

— Может, она каким-то образом сумела вернуться домой? — проговорила другая сестра.

— Она бы нас не бросила, — ответила старшая тоном, намекающим, что на эту тему они уже много раз спорили.

— С вашей стороны отважно приехать в одиночку, — вновь обратилась к нему младшая из старых дев.

— О, благодарю, но я не один. — Устав от разговора, Сенлин потянулся к рукоятке чемодана — и обнаружил, что тот исчез.

Сбитый с толку, он завертелся на месте, окидывая взглядом сперва землю, а потом — невыразительные, невозмутимые лица спящих людей. Чемодан Марии исчез.

— Я потерял багаж, — сказал Сенлин.

— Раздобудьте себе хорошую веревку, — посоветовала старшая сестра и, протянув руку, похлопала его по бледной щеке.

Глава вторая

Опытные покупатели наслаждаются Рынком, который расположен вокруг башни, у подножия. Не бойтесь повернуться и уйти во время торга: небольшое отступление может помочь заключить отличную сделку.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, IIV

Сенлин сидел на плите из песчаника у подножия башни. Он ел фисташки, которые купил на завтрак. Потрескавшиеся губы саднили. Коричневые птички рылись в выброшенных скорлупках, выклеывая остатки ядрышек. Он не знал, что это за пичуги. Несколько часов назад он купил воды — один несчастный ковшик стоил столько же, сколько глоточек хорошего бренди дома, в Исо. Ему уже снова хотелось пить.

Как любой антрополог-любитель на его месте, Сенлин привез с собой блокнотик, чтобы записывать впечатления, но не раскрыл его ни разу после того, как сошел с поезда. Он не хотел записывать ничего из случившегося. В безвольно опущенной руке он держал «Популярный путеводитель». Рядом лежал неряшливый узел женского белья. От изнеможения у Сенлина кружилась голова и тряслись пальцы. Если бы он лег на спину на нагретый солнцем камень и закрыл глаза, то уснул бы мгновенно. Он опасался, что именно это и сделает.

Миновало уже два дня после того, как они сошли с поезда, два дня после того, как он впервые увидел башню через дырявый навес, два дня после того, как его жена отвернулась и, смеясь, ушла искать платице. Скандальное.

Вавилонская башня вздымалась перед ним, словно ступень огромного плато, словно скала, которая тянется вверх,

теряясь в облаках. Если не считать арочного входа, который зиял в конце утопающего в густых тенях туннеля в сотне футов от Сенлина, стены башни в нижней части не нарушали ни окна, ни карнизы. В вышине он различил торчащие из нее структуры, точно шипы на стволе старого розового куста. Воздушные корабли лгнули к этим шипам, и с такого расстояния их гондолы казались размером с тлю. Небесные порты, предположил Сенлин. Он читал, что у большинства уровней башни — или «кольцевых уделов» — есть по несколько таких портов. Ах, если бы они с Марией прибыли на корабле! Но путешествия по воздуху были слишком дороги; два билета съели бы его заработок за год. Что еще хуже, его укачивало. Жители Исо часто его из-за этого поддразнивали: «Рыбий учитель живет и не тужит, только волна ему голову кружит». Он не хотел начинать медовый месяц, свесившись через перила воздушного корабля и усеивая пейзаж содержимым желудка. Кроме того, путь к их пункту назначения, Купальням, был частью приключения, и Мария с нетерпением этого ждала.

Огорошенный внезапной мыслью, Сенлин вздрогнул и едва не свалился с камня. Бумажный пакетик с фисташками выскользнул из руки и упал к подножию плиты, бледные скорлупки раскатились во все стороны по красной земле, твердой как камень.

Он заранее знал, что найдет искомое в портфеле, и все равно принялся неистово рыться, проверил боковой карман, запасные ручки, щетку для пальто и чистые открытки, пока наконец рука не нащупала причину тревоги. Он вытащил два билета на поезд.

Ее обратный билет остался у него.

Сенлин только на мгновение отвлекся из-за потери ее багажа и ринулся сквозь плотную толпу торговцев и туристов, совершенно не понимая, в каком направлении скрылись

воры. Вскоре он сдался и признал, что чемодан утрачен. Он вернулся к ларьку, почти уверенный в том, что именно возле этого прилавка с носками они стояли всего-то несколько минут назад, и провел там первый день, а потом и первую ночь их с Марией медового месяца в Вавилонской башне, переминаясь с ноги на ногу, совершенно один. Он не сомневался, что она найдет дорогу назад. Он сосредоточился на том, чтобы сохранять спокойствие, здравый ум и даже время от времени верить в лучшее. Это не такая уж большая неприятность. Возможно, это приключение — одно из тех, которые делают рассказы об отпуске столь увлекательными. Она вернется.

Но всю ночь он наблюдал, как свернули сначала один ларек, а затем другой, их товары утащили верблюд и мул, запряженные в сани и в фургон. Появились новые торговцы. Воздвигли новые навесы и столы, изменив рельеф проулков между лавками, изменив даже контуры неба над ним. Теперь стало понятно, почему «Популярный путеводитель» не включал карт Рынка. С тем же успехом можно было попытаться нарисовать схему завтрашнего заката. Эволюция Рынка не прекращалась. Когда киоск с носками, где Сенлин пообещал ждать Марию, превратился в лавку масляных ламп, он понял, что она никогда не найдет дорогу к нему. Он больше не мог стоять без дела.

На следующий день он взялся за систематические поиски, начиная с того, что осталось от шелкового района Рынка, где она исчезла. Он как мог двигался по расширяющейся спирали, время от времени покупая у торговцев то шелковую комбинацию, то пару чулок — мелочь, достаточную, чтобы ненадолго привлечь внимание и спросить, не видели ли они вчера женщину в красном пробковом шлеме. Он радовался по крайней мере тому, что мог с легкостью ее описать: женщина в красном шлеме. Она оказалась умнее и благодарнее, чем он считал. Проведя таким образом день, он

собрал неудобный узел женской одежды. Новостей о Марии не было. Одежные лавки превратились в гончарные, а столы с шелками уступили место галереям фаянсовой посуды и прочей керамики.

Там, где навесы и палатки стояли не очень густо, он взбирался на бочонки с ящиками и окидывал взглядом толпу, уверенный, что она должна выделяться среди людей, как птица-кардинал на дереве. Но в толчее невозможно было отчетливо разглядеть кого-либо. Почти неосознанно поиски уводили его все ближе к башне, которая оказалась дальше, чем он считал поначалу. Или, возможно, он всего лишь забрел далеко от нее. Сенлин ни в чем не был уверен.

Пока текли часы второй ночи, он растерял организованность и сдержанность. Он бессмысленно бродил туда-сюда, звал ее по имени. Увидев хоть проблеск красного, ломился через палатки и продавцов, отталкивал суетящихся покупателей, кричал, задыхаясь: «Мария, Мария!» — но обнаруживал всего лишь мужчину в красной феске, мальчика с красным бумажным фонарем на шесте или красную попону, выглядывающую из-под седла лошади...

Он не привык впадать в панику и не знал, как себя утешить под натиском отчаяния. Их медовый месяц испорчен, это уж точно. Придется сочинить роскошную байку и рассказывать друзьям, и он, конечно, Марии все возместит тихими выходными в сельском коттедже, но до конца их брака она будет помнить, каким ужасным испытанием оказались их медовый месяц. Зловещее начало.

Куда бы Сенлин ни взглянул, он повсюду видел группы людей, связанных веревками. Любое продвижение через толпу затрудняла паутина поводков. Почему «Путеводитель» упустил это зернышко мудрости? «Прихватите с собой хорошую веревку».

Сенлин спрятал билеты на поезд между страницами «Путеводителя», проклиная себя за то, что оказался так близко

рук и оставил оба в своем портфеле. Он задался вопросом, достаточно ли у нее денег на новый билет, и быстро подсчитал в уме. У него четыре мины, шестнадцать шекелей и одиннадцать пенсов, и, если Марию не ограбили, у нее примерно столько же. Билет в Исо, даже третьего класса, стоит по меньшей мере шесть мин. Нет, у нее недостаточно денег. Мария здесь застряла.

Худой как щепка старик, лысый и голый по пояс, прошел мимо каменной плиты, на которой устроился Сенлин. Дед шатался, согнувшись в три погибели под весом мешка. Почерневшие реки стекали по его спине — пот смешивался с угольной пылью. Старый раб с изогнутой, как у гуся, шеей шел нетвердой походкой и смотрел только на каблуки хорошо одетого туриста впереди. Оба были частью колонны путешественников, стремящейся ко входу в башню. В остальном местность вокруг стен пустовала. Ничейная земля простиралась на сотню шагов от основания. Сенлин не понимал, отчего пространство оставили пустым, в то время как на Рынке невозможно протолкнуться.

— Вы заблудились? — спросил молодой человек, остановившись рядом, у основания плиты.

— Почему вы спрашиваете? — спросил Сенлин.

Юноша моргал от яркого солнечного света, его густые темные волосы блестели, смазанные маслом. Он был невысокого роста, но широкоплечий и с узкой талией, как акробат, с кожей насыщенного оливкового цвета, на фоне которой золотистые искры в глазах сверкали особенно ярко.

— Большинство людей не отдыхают на Окаёмке. Этот камень, на котором вы сидите...

— Священный?

— Всего лишь надгробие. Оно упало несколько дней назад и раздавило туриста.

— Откуда упало? — потрясенно спросил Сенлин.

Юноша вместо ответа указал вверх.